

Абсурд как онтологическая категория в философии Серена Кьеркегора

Буцуккина Марта Владимировна

Выпускник (магистр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: MartaButsukina@yandex.ru

Одним из ключевых понятий датского философа Серена Кьеркегора является отчаяние. Имея свою внутреннюю диалектику, отчаяние предстаёт перед нами в трудах философа, как смертельная болезнь, разрушительная по своей специфике. Медленно разъедая Я человека она проявляет себя в качестве апатичности и безразличия к настоящему, лишая бытие смысла. Именно в тоске и апатии, которое влечёт за собой отчаяние, мы находим онтологическое и метафизическое проявление абсурда. Но именно осознание своего отчаяния, по мнению религиозного философа, помогает избавиться от греха безразличия, и соответственно от чувства абсурда.

Чудо воскресения понимается Кьеркегором, прежде всего, как Божественное обещание, данное верующему человеку, спасающее усомнившегося от бездны отчаяния. Безжизненное состояние Лазаря символизирует оцепеневшую перед сковывающим отчаянием волю человека. Это символ состояния, когда душа человека гибнет в темноте безразличия, в так называемой *acedia* - апатии и лени, возможно в праздности и меланхоличности, иначе говоря, в состоянии, где впервые обнаруживает себя абсурд. Спасение от такого саморазрушения и разложения духа возможна, по мнению Кьеркегора, лишь во Христе.

Отчаяние является грехом, но отчаявшийся, способный принять в сердце Бога, без обращения к критическому разуму и общественным устоям, имеет надежду на исцеление. Но наше взывание к Богу, как в высшей инстанции должно зависеть не от того, что мы грешны, а значит слабы, а от свободного выбора, в следствии любви к Нему. И поэтому, подлинная христианская этика является, в выводах Кьеркегора «моральной диалектикой», где отправной точкой к спасению от абсурда существования является осознание собственного отчаяния. Основная мысль произведения «Болезнь к смерти» состоит в том, что не добродетель является противоположностью и спасением от греха, но вера. «Господи! Дай нам ослепнуть для вещей, которые не научают добродетели, и ясные глаза для всей Твоей истины». (Кьеркегор, 1993, С. 286) [1] В разуме человека этические принципы занимают подчинённое положение, истинное благо же, находится в сфере духовного.

Специфика философского подхода Серена Кьеркегора к христианской этике, проявляется в том, что отчаяние служит нам возможностью на пути к Богу. Датский философ рассматривает различные образы и позиции отчаявшегося человека, но начинает он пояснения, что «отчаяние - это болезнь, а не лекарство. И в этом состоит его диалектика». (Кьеркегор, 1993, С. 288) [1]

Отчаяние - это внутреннее несоответствие, которое берётся из отношения, направляющее само себя. Это отношение есть дух или Я, в котором содержится свобода и ответственность. Можно уметь выражать свою волю - быть тем, кем хочешь, но большим преимуществом является возможность быть здесь и сейчас как таковым в процессе перехода от возможного «Я» к реальному, в восхождении. И, напротив, по замечанию Кьеркегора, в процессе восхождения от возможного к реальному имеет место падение. Выходит, что не быть отчаявшимся - это постоянный духовный подъем над самим собой, но тогда в стремлении не отчаиваться, мы будем стремиться к избавлению от чувства отчаяния, а значит, мерой прогресса будет выступать как раз абсурд и отчаяние.

Абсурд, вследствие отчаяния отражается уже во внутреннем несоответствии в синтезе. Синтез здесь же не есть разногласие, но он лишь полагает несоответствие в своей потенции. Если бы это было не так, и синтез полагал несоответствие реального и возможного Я, то отчаяние не было бы смертельной болезнью, оно бы стало одной из естественных черт человека, вроде болезней которым, он подвержен.

Но если отчаяние - это, отношение, которое опирается на нашу волю и свободу превозмогать себя в реальном и возможном, тогда откуда трагическая сущность и чувство абсурда? Отчаяние сопоставимо со смертельной болезнью духа, когда заразившись им однажды, всякий раз настоящее будет исчезать прошлым, или отчаявшийся человек будет приносить элементы прошлого в качестве возможного. Так происходит, потому что отчаявшийся становится не современным самому себе - его бытие больше не здесь и сейчас, а значит, настоящее искажено. Оно будет сопровождаться последовательностью внутренних несоответствий, направленных на самих себя, от которых невозможно освободиться так как: «человек может освободиться не более, чем от собственного Я, и это в конечном счете именно одно и то же, ибо само это Я есть возвращение отношения к себе самому» (Кьеркегор, 1993, С. 295) [1]

Смертельная болезнь буквально означает несчастье, исходом которого является смерть, но если для христианина смерть - это переход к жизни, то естественные болезни для него не страшны, они не представляют ту «смертельную болезнь». Смертельная болезнь для христианина, это смерть, за которой нет ничего, это и превращает бытие в абсурд посредством отчаяния. Отчаявшийся, «больной к смерти» - это человек, который не может умереть, безнадежный, и этот несчастный не может надеяться даже на смерть как прекращение своих страданий. В отчаянии смерть постоянно превращается в жизнь, наполненную абсурдом, ибо только в жизни есть повод для отчаяния.

Таким образом, Серен Кьеркегор приходит к выводу о том, что отчаяние - это, прежде всего смертельная болезнь духа, она разрушительна по своей специфике. Медленно разъедавая Я человека она проявляет себя в качестве апатичности и безразличия к настоящему, лишая бытие смысла.

Источники и литература

- 1) Кьеркегор С. Страх и трепет: Пер с дат. – М.: Республика, 1993. – 383 с. – (Б-ка этич. мысли).